

ГОСУДАРСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Э. К. Утяшов

ОСНОВАНИЯ ВВЕДЕНИЯ ВОЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

***Аннотация.** Предметом исследования являются фактические (юридические) составы, являющиеся основанием введения военного положения в Российской Федерации и зарубежных странах. Толкование оснований введения военного положения в Российской Федерации является неоднозначным. Сложный юридический состав, предшествующий его введению завершается Президентом РФ только после утверждения этого факта Советом Безопасности ООН, что затрудняет своевременность осуществления необходимых мероприятий по отражению агрессии.*

***Ключевые слова:** юриспруденция, правовой режим, толкование агрессии, толкование угрозы агрессии, механизм введения режима, заключение СБ ООН, недопустимость применения силы, конституции об основаниях военного положения, основания военного положения, сравнительный анализ юридических фактов.*

В научной литературе последних лет появилось немало фундаментальных исследований, посвященных анализу правового регулирования осуществления особых режимов, включая режимы антитеррористической деятельности, чрезвычайного и военного положения¹.

Определяющими целями введения особых правовых режимов, куда относится режим военного положения, являются интересы общественной и государственной безопасности.

Теория права предусматривает возможность осуществления некоторых особых правовых режимов при наступлении определенных обстоятельств. Подобные правовые режимы функционирования предусматриваются законодательством для ситуаций, при которых нормальная деятельность общества, реализация гражданами своих прав и свобод становится невозможной, либо существует опасность существования самого государства. «Если нормальное положение уничтожено или ликвидировано, конституция не может больше исполнять свои функции, то наступает необходимость приниматься за необычайные мероприятия, чтобы вернуть упорядоченные конституционные отношения»².

¹ Пчелинцев С.В. Проблемы ограничения прав и свобод граждан в условиях особых правовых режимов. М. 2006., 479 с.

² Э. Форштофф. Цит. по Галенпольский Ф.С. Вопросы правового регулирования ограничения прав и свобод в условиях чрезвычайного положения (на примере ФРГ) // Московский журнал международного права. 1998. N4. С.26.

Сложность теории и практики правоотношений, возникающих в условиях чрезвычайного положения, в том числе существующая здесь проблема оснований и пределов ограничения основных прав и свобод человека и гражданина, выражающаяся в неясности толкования ч.3 ст. 55 и ч.1 ст. 56 Конституции РФ — исследована учеными³; противоречивой, но имеющейся практикой Конституционного Суда РФ⁴.

В то же время правовые отношения, возникающие в условиях военного положения, остаются не исследованными и в силу этого неясными. Например, основания введения данного правового режима, круг общественных отношений, которым он охватывается (по сути, в условиях войны), настолько широки, что нормы права характеризуются значительной обобщенностью и неопределенностью, что вынуждает ученых к их изучению и уяснению в спокойной, мирной обстановке. Не включение авторами Конституции РФ положений о пределах ограничения и реализации гражданами своих прав и

³ Лапаева В.В. Проблема ограничения прав и свобод человека и гражданина в конституции РФ // Журнал российского права, 2005. №7. Лапаева В.В. Конституция РФ об основаниях и пределах ограничения прав и свобод человека и гражданина // Законодательство и экономика. 2005. №1. Эбзеев Б.С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации. М., 2005. С. 230. Ягофарова И.Д. Основные характеристики ограничения прав и свобод человека: теоретико-правовой аспект // Академический юридический журнал. 2002. №4.

⁴ Постановления Конституционного Суда РФ 2003 г. N 15-П от 30.10.2003. СЗ РФ 2003. №44.Ст. 4358.

свобод при осуществлении режима военного положения — явный пробел в праве, способный привести к широкому толкованию правоприменителями действующего Федерального конституционного закона №1-ФКЗ от 30 января 2002 г. «О военном положении».

Требуют уяснения содержания те юридические факты, которые являются основаниями введения военного положения, так как понятие юридического факта призвано выразить существование реальных, жизненных обстоятельств, которые имеют значение для приведения в действие нормы права.

Решение любого юридического вопроса предполагает, с одной стороны, точный анализ правовой нормы и выяснение того, какие факты предусмотрены нормой в качестве юридических; с другой стороны — тщательный анализ фактических обстоятельств дела и установление того, действительно ли наступили факты, предусмотренные нормой.

С практической точки зрения применение юридических норм представляет собой в значительной своей части деятельность юрисдикционных органов, направленную на анализ юридических фактов. Поэтому, с точки зрения правоприменения, необходимы точные и полные знания о юридических фактах — основаниях введения военного положения, их особенностях, разновидностях, составах. Юридические факты — та область действия права, где правовые нормы непосредственно соприкасаются с жизнью, с конкретной действительностью. А это существенно важно для понимания фактической стороны правоотношений в условиях военного положения.

Основаниями введения военного положения в соответствии с ч.2 ст. 87 Конституции РФ и ч. 1 ст. 1 ФКЗ 2002г. «О военном положении»⁵, является агрессия против Российской Федерации или угроза непосредственной агрессии.

Дефиниция агрессии общепризнанна международным правом и содержится в одноименной Резолюции 29 Генеральной Ассамблеи ООН от 14.12.1974⁶. Агрессией признается:

- вторжение или нападение вооруженных сил государства на территорию другого государства или любая военная оккупация, какой бы временный характер она ни носила, являющаяся результатом такого вторжения или нападения, или любая аннексия с применением силы территории другого государства или части ее;

- бомбардировка вооруженными силами государства территории другого государства или применение любого оружия государством против территории другого государства;
- блокада портов или берегов государства вооруженными силами другого государства;
- нападение вооруженными силами государства на сухопутные, морские или воздушные силы или морские и воздушные флоты другого государства;
- применение вооруженных сил одного государства, находящихся на территории другого государства по соглашению с принимающим государством, в нарушение условий, предусмотренных в соглашении, или любое продолжение их пребывания на такой территории по прекращении действия соглашения;
- действие государства, позволяющего, чтобы его территория, которую оно предоставило в распоряжение другого государства, использовалась этим другим государством для совершения акта агрессии против третьего государства;
- засылка государством или от имени государства вооруженных банд, групп иррегулярных сил или наемников, которые осуществляют акты применения вооруженной силы против другого государства, носящие столь серьезный характер, что это равносильно перечисленным выше актам, или его значительное участие в них.

Российская Федерация, признавая общепризнанные принципы и нормы международного права в качестве элементов своей правовой системы, фактически дословно включила толкование агрессии в п.6 ч.2 ст. 3 ФКЗ 2002г. «О военном положении» (о чем в указанном законе имеется ссылка).

При анализе последнего пункта обстоятельств, являющихся основанием признания факта агрессии следует обратить внимание на часто встречающуюся ошибку в его толковании и переводе на русский язык.

Так, распространенные электронные базы справочно-правовой системы консультант плюс, гарант, составители сборников международных документов (см. Блатову Н.Т.), другие авторы⁷ определяют в анализируемой Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН термин «регулярный силы». Такой же перевод со ссылкой на исследуемую резолюцию ООН делает в своем комментарии к Федеральному конституционному закону от 30 января 2002 г. N 1-ФКЗ “О военном положении” Смолина Л.В. (Система ГАРАНТ, 2006 г.).

⁵ Собрание законодательства Российской Федерации. 2002 г. N 5. ст. 375.

⁶ Международное публичное право. Сборник документов. Т.2. М., 1996. С.3-5. Международное право в документах. Составитель Блатова Н.Т., Мелков Г.М. М. 2000. 824с.

⁷ Боев В.И., Кочубей М.А., Новиков А.П. Война и уголовный закон. М., 2009. С. 27.

Официальный же текст указанной резолюции содержит термин «иррегулярные силы»⁸. Это вытекает и из толкования данного пункта резолюции. Обратимся еще раз к ее анализу: «засылка государством или от имени государства вооруженных банд, групп иррегулярных сил или наемников, которые осуществляют акты применения вооруженной силы против другого государства...». Логическое построение указанной нормы содержит в себе взаимосвязанные явления: вооруженные банды, наемники и иррегулярные войска (к примеру ополчение). Указанные формирования не являются регулярными и большая часть их не обладает статусом комбатантов. При их толковании и применении изложенные выше положения являются взаимосвязанными, и каждое положение должно рассматриваться в контексте всех других положений. Поэтому причисление к ним регулярных войск, является логической ошибкой, нарушением правил юридической техники.

В чем разница? Регулярные силы — это постоянные войска, имеющие твердо установленную военную организацию и получающие планомерную военную подготовку. Под иррегулярными (от позднелат. *irregularis* — неправильный), понимаются войска, не имеющие твердой и постоянной организации или по своему комплектованию, прохождению службы, обучению, обмундированию значительно отличающиеся от регулярных войск, (т.е. противопоставляется регулярным войскам)⁹, применительно к ним говорят об ополченцах. Ряд авторов говоря об иррегулярных войсках пишут о «косвенной агрессии», что еще больше запутывает ситуацию, так как такое основание не является легальным.

Признание факта агрессии по международному и российскому праву исходит из того, что иррегулярными войсками можно назвать деятельность, в том числе и так называемых незаконных вооруженных формирований в рядах которых находились иностранные подданные.

Используя исторический способ толкования, мы можем предположить, что рассматриваемый закон готовился в период подготовки и ведения боевых действий «по наведению конституционного порядка» в Чеченской республике 1999-2001гг, и признание вооруженных отрядов сепаратистов, в рядах которых активно участвовали иностранные граждане, иррегулярными силами, вполне позволяло бы ввести военное положение на отдельной территории Российской Федерации.

Включение российскими юристами термина «иррегулярные» войска в перечень юридических фактов признания агрессии ставит в этом вопросе массу вопро-

сов. Чтобы разобраться с таким явным несоответствием следует обратить внимание, что еще в середине 70-80гг. прошлого столетия в советской юридической науке под военным положением понимался специальный правовой режим, который мог вводиться государством по всей стране или в отдельных ее местностях не только в случае войны, но и в иных условиях чрезвычайной обстановки (восстание, стихийное бедствие и т.п.)¹⁰. Такой подход был основан на законодательстве, действовавшем на тот период времени, не предусматривавшем четкого разграничения между понятиями военного и чрезвычайного положения.

По мнению С.В. Пчелинцева¹¹, специалиста и одного из авторов законопроекта «О военном положении» возможность введения военного положения по причинам внутреннего характера была практически изначально исключена еще на Конституционном совещании в стадии разработки и обсуждения проекта Конституции РФ, о чем свидетельствовало заявление полномочного представителя Президента РФ в Государственной Думе А.А. Котенкова при обсуждении законопроекта, что «никаких внутренних оснований для введения военного положения закон не содержит». Автор считает, что его подходы к разграничению военного и чрезвычайного положения нашли закрепление в ФКЗ о чрезвычайном положении и ФКЗ о военном положении, «с их принятием дальнейшее продолжение теоретической дискуссии по вопросу соотношения режимов военного положения и чрезвычайного положения было бессмысленным даже по формальным основаниям».

Вместе с тем, представляется, что пресечение деятельности иррегулярных войск, которыми могут выступать мятежники, силы национально-освободительных движений, вооруженные формирования ортодоксальных религиозных движений, вооруженные сторонники националистов и др. незаконные вооруженные формирования, существующие или могущие существовать внутри государства, осуществляется в соответствии с его внутренним законодательством без ссылки на агрессию. Например, в современной России обстоятельствами введения чрезвычайного положения в соответствии п. а ст. 3 ФКЗ 2001г. «О чрезвычайном положении» являются: «попытки насильственного изменения конституционного строя Российской Федерации, захвата или присвоения власти, вооруженный мятеж, массовые беспорядки, террористические акты, блокирование или захват особо важных объектов или отдельных местностей, подготовка

⁸ <http://www.un.org/russian/document/gadocs/gakey/>. 06.02.2010

⁹ Советский энциклопедический словарь. М., 1985. Словарь иностранных слов. М., 1984.

¹⁰ Юридический энциклопедический словарь/Под ред. А.М. Прохорова М., 1983, 1991.

¹¹ Проблемы ограничения прав и свобод граждан в условиях особых правовых режимов. М.: Норма, 2006. С.164.

и деятельность незаконных вооруженных формирований, межнациональные, межконфессиональные и региональные конфликты, сопровождающиеся насильственными действиями, создающие непосредственную угрозу жизни и безопасности граждан, нормальной деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления».

Иными словами сегодняшнее правовое регулирование оснований возникновения правоотношений военного или чрезвычайного положения в Российской Федерации содержит в ряде случаев схожие юридические факты и выбор применения той или иной нормы права, зависит, прежде всего, от Президента РФ, который одно и тоже обстоятельство может оценить по-разному.

Несколько иначе закреплены в правовых системах некоторых стран СНГ основания введения военного положения, в целом позволяющие избежать их двойного толкования. Ст. 84 Конституция Республики Беларусь таким обстоятельством называет «военную угрозу или нападение». П.20 ст. 106 Конституции Украины предусматривает «угрозу нападения, опасность для государственной независимости Украины», т.е. правовые системы этих стран избежали сложный для правоприменения термин «агрессия».

Представляется, что подобную двусмысленность изначально содержит одноименная резолюция Генеральной ассамблеи ООН, в связи с чем большинство стран не разделяют военные и чрезвычайные режимы. Сравнение с правовым регулированием указанных институтов большинства государств, первоначально наводит на мысль о том, что законодатели сознательно оставили возможность толкования оснований введения соответствующих режимов на усмотрение правоприменителя. Например, во Франции: «Когда институты Республики, независимость нации, целостность ее территории оказываются под серьезной и непосредственной угрозой, а нормальное функционирование конституционных публичных органов прекращено» вводится осадное положение (ст. 16 Конституция Французской Республики).¹² Статья 228 Конституции Польской Республики предусматривает, что: «в особо угрожающих ситуациях, если обычные конституционные средства недостаточны, может быть введено соответствующее положение»¹³ (в том числе военное. Прим. автора).

¹² Конституции государств Европейского Союза/Под общей редакцией Л. А. Окунькова. — М.: Издательская группа ИНФРА-М — НОРМА, 1997. — С. 665—682.

¹³ Конституции государств Центральной и Восточной Европы/Отв. ред. Н.В. Варламова; Моск. обществ. науч. фонд. Центр конституц. исслед. — М.: МОНФ, 1997.

Ст. 112-а Конституции ФРГ содержит примерно аналогичное основание — если «...подверглась вооруженной агрессии или что ей непосредственно угрожает такая агрессия (состояние обороны)».¹⁴

Законодательство Великобритании предполагает, что «...его величество... для обеспечения общественной безопасности, защиты государства, поддержания общественного порядка и эффективного ведения любой войны...» может издавать «оборонные предписания», направленные на ограничения четко определенных прав своих подданных.¹⁵

Но при этом, даже в самых критических ситуациях развития человеческого общества должны существовать определенные объективные границы, и определенный масштаб ограничений, в том числе в условиях военного положения. Руководствуясь данным положением, а также с целью избежания широкого толкования и усмотрения правоприменителем исследуемых оснований, законодательство этих государств ограничивает подобные режимы определенными объективными пределами, которыми могут выступать: продолжительность введения, в частности военного положения, (во Франции 12 дней, продолжение возможно только парламентом); перечислением отдельных видов прав и свобод, которые не подлежат ограничению (Польша); установлению перечня прав граждан подлежащих ограничению (Великобритания); недопустимостью ограничения прав и свобод граждан (Германия). Подчеркнем, что в Российской Федерации подобных правовых объективированных ограничений в правоотношении военного положения не предусмотрено.

Проведенный анализ правового регулирования оснований введения режима военного положения, позволяет предложить их следующую классификацию:

- а) акт агрессии – предусмотрен в законодательстве Республики Южная Осетия и России.
- б) применение вооруженной силы – Республика Казахстан, Польша.
- в) военная угроза или нападение – Беларусь, Армения, Украина, Литва, Франция, Китай.
- г) военная агрессия – ФРГ.
- д) защита государства – Великобритания.
- е) вторжение – США.

По всеобщему признанию, принцип неприменения силы или угрозы силой является императивной нормой общего международного права, имеющей первостепенное значение для сохранения мира. Этот принцип

¹⁴ Конституции зарубежных государств: Учебное пособие/Сост. проф. В.В.Маклаков. — 4-е изд., перераб. и доп. — М.: Волтерс Клувер, 2003.

¹⁵ Акт о чрезвычайных полномочиях (1939г).

сложился на основе обычая, а такие международные договоры, как Пакт Бриана — Келлога и Устав ООН, подтвердив и уточнив эти обычные нормы, установили новые правила, касающиеся неприменения силы или угрозы силой.

Основным критерием противоправности применения вооруженной силы следует считать принцип первенства или учета хронологической последовательности событий. Важнейшим юридическим следствием принципа первенства является запрещение так называемой превентивной войны. Этот принцип, получивший название принципа Литвинова, вошел по инициативе Советского Союза в целый ряд довоенных соглашений, а в настоящее время его правовой основой является ст. 51 Устава ООН, которая устанавливает, что «применение вооруженной силы государством первым в нарушение Устава является *prima facie* свидетельством акта агрессии».

Однако в настоящее время существует группа государств, идеологические установки которых, в законодательстве, в политических установках предусматривают концепцию превентивной войны, т.е. возможность совершения действий, которые напрямую квалифицируются как агрессия.

Так израильская военная доктрина допускает возможность ведения превентивной войны или нанесения упреждающих ударов по важнейшим объектам противника в случае неизбежности возникновения вооруженной конфронтации или их деятельности, создающей реальную угрозу безопасности Израиля. Речь идет о доминирующей в этом государстве концепции — блицкриге — внезапном массированном наступлении с целью победы над противником в самое короткое время.¹⁶ Для наглядности рассмотрим пример нанесения авиационных ударов авиацией Израиля по территории Сирии 6 сентября 2007г., в связи с чем, Сирия обращалась в Совет Безопасности ООН с просьбой обсуждения этого факта. Члены Совбеза ООН обсудили этот вопрос, но не пришли к окончательному решению.

Теория упреждающих военных актов нашла отражение в военной доктрине США, которая разрешает американским войскам наносить превентивные удары по государствам и террористическим группировкам, которые близки к обладанию оружием массового поражения или ракетами дальнего радиуса действия для доставки такого оружия. Задача — предотвратить расползание по миру компонентов оружия массового поражения (ОМП) или уничтожить их до сборки и превращения в готовое

оружие.¹⁷ Наглядными примерами чего является превентивные войны США в Ираке и Афганистане.

Нечто подобное содержится в отечественной концепции применения военной силы. Так, принятой в 2010г. военной доктрине Российской Федерации¹⁸ закрепляется право на применение ядерного оружия первыми, если агрессия с применением обычного оружия ставит под угрозу само существование государства. Особо, право применения вооруженных сил (читай превентивно), нашло закрепление в ст. 20, указанного акта, в которой правомерность такого действия связано с обеспечением защиты своих граждан, находящихся за пределами Российской Федерации в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации. Этот подход вступает в явное противоречие с позицией международного, в частности европейского сообщества, изложенной в одной из Резолюций Парламентской Ассамблеи Европы, которая исходит из того, что «такое понятие, как «защита граждан за рубежом», является неприемлемым и выражает обеспокоенность в связи с политическими последствиями подобной политики, проводимой российскими властями в отношении других государств-членов, где проживает значительное число российских граждан».¹⁹

Таким образом, складывающаяся практика применения военной силы первыми, имеет устойчивую тенденцию, несмотря на наличие норм международного права, запрещающие подобные действия как подпадающие под понятие «ведение агрессивной войны». По сути, ставится под сомнение ст. 5 Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 1974г.: «...никакие соображения любого характера, будь-то политического, экономического, военного и иного характера, не могут служить оправданием агрессии».

Представляется, что подобная тенденция не является вызовом международному сообществу и объясняется тем, что не всякое применение силы следует рассматривать как акт агрессии, для этого Совет Безопасности ООН должен сделать вывод «о несмотря на имевшем место применения вооруженной силы, констатация агрессии не будет оправданной в сфере соответствующих обстоятельств, прежде всего с учетом того, что соответствующие акты или их последствия не носят серьезного

¹⁶ А. Черняк. Вторая ливанская война — глазами военного историка // Военный вестник Израиля. 2007. №3.

¹⁷ Упреждающие удары — часть стратегической доктрины США. The Washington Post, США. 11.12.2002г.

¹⁸ Указ Президента Российской Федерации от 5 февраля 2010 г. N 146 «О Военной доктрине Российской Федерации». Российская газета от 10.02.2010г.

¹⁹ Резолюция 1633 (2008) от 30.09.08 Последствия войны между Грузией и Россией.

характера» (статья 2 резолюции). Предполагается, что агрессия характерна повышенной степенью общественной опасности, которая проявляется в первую очередь в том громадном материальном и нематериальном ущербе, который она порождает. Тем самым проводится различия между мелкими военными конфликтами, пограничными инцидентами, с одной стороны, и вооруженной агрессией с другой (такая ссылка должна содержаться во всех правовых актах государств, где основанием введения военного положения является факт агрессии, в том числе и Российском).

Попыткой такого разграничения можно считать решение Европейской комиссии по делу «Греция против Великобритании» (1969г.), из которого следуют ряд условий опасности агрессии: а) опасность должна быть реальной или неминуемой; б) последствия опасности должны угрожать всей нации; в) под угрозой должно находиться продолжение организованной жизни общества; г) кризис или опасность должны носить исключительный характер в том смысле, что обычные меры или ограничения, допускаемые Конвенцией для сохранения безопасности, здоровья и порядка, являются недостаточными.²⁰

В связи с изложенным, следует очень тщательно, в сопоставлении с нормами международного права, оценивая степень причиненного (возможного) ущерба толковать и квалифицировать акт агрессии как основания введения военного положения, содержащейся в нормах Конституции РФ и ФКЗ «О военном положении», избегая прямолинейного суждения в логической связи: «агрессия – военное положение».

Еще большей неконкретностью и расплывчатостью характеризуется содержание второго основания введения режима военного положения — «непосредственная угроза агрессии». Имеющееся в российском законодательстве аутентичное разъяснение его смысла, (ч.3 ст. 3 ФКЗ «О военном положении») как «...действия иностранного государства (группы государств), совершенные в нарушение Устава ООН, общепризнанных принципов и норм международного права и непосредственно указывающие на подготовку к совершению акта агрессии против Российской Федерации, включая объявление войны Российской Федерации», требует уяснения и уточнения. В данном конкретном случае законодатель применил категории правовой неопределенности, а именно оценочное понятие, не обладающее достаточно ясным содержанием и резким объемом. По мнению Н.А. Власенко,²¹ оценочные понятия обобщают в себе лишь

типичные признаки правозначимых явлений с расчетом на то, что в процессе применения их содержание раскроют сами субъекты (правоприменители) с учетом особенностей конкретных ситуаций. Следовательно, оценивать действия, указывающие на подготовку к агрессии, опять же предстоит Президенту РФ и Совету Федерации.

Наличие в этих действиях некоторой свободы усмотрения может привести к отсутствию единообразия в толковании и в применении норм режима военного положения. Закон в силу своего абстрактного характера может опосредовать лишь родовые и видовые особенности общественных отношений. Индивидуальные же характеристики конкретного отношения нередко оказываются неочевидными с позиции всеобщей нормы, что предполагает необходимость индивидуальной оценки «непосредственной угрозы агрессии», а в этой ситуации все очень субъективно.

Небезынтересен вопрос о размещении в Европе систем ПРО (противоракетной обороны) США, против чего выступала и выступает Россия, справедливо предполагая о нацеленности этих противоракет против стратегических сил нашего государства. Следует ли данный юридический факт расценивать как угрозу агрессии? И является ли это основанием введения военного положения?

С другой стороны, отдавая на усмотрение правоприменителя право привязки конкретных условий жизни к юридическому формализму, общество тем самым сознательно создает условия для ограничения себя, в целях своей безопасности. В то же время здесь возможны и субъективные оценки происходящего должностными лицами, органами государства, влекущие массовые ограничения прав и свобод граждан в условиях военного положения. Отсутствие в законодательстве современной России и стран СНГ перечня правомочий органов военной власти и их неопределенность; перечня прав и свобод, не подлежащих ограничению, не лишает права этих властей принимать любые меры, которые они добросовестно считают необходимыми для восстановления порядка. По справедливому замечанию А.В. Малько, «возможность ограничений основных прав и свобод личности по соображениям обеспечения интересов общества в целом или прав и свобод других лиц всегда таит в себе угрозу, если даже не злоупотреблений, то, во всяком случае, принятия несоразмерных охраняемому общественному интересу ограничительных мер»²².

²⁰ Норшкова С.А. Дерогация по Европейской Конвенции и Россия. С. 85.

²¹ Власенко Н.А. Неопределенность как позитивное свойство права. Судебное правоприменение: проблемы теории и практи-

ки. Сборник статей. Российская академия правосудия. С.43

²² Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве: теоретико-информационный аспект. Саратов, 1994. С.59.

Бесспорно, что представить, обосновать и закрепить в национальном законодательстве исчерпывающий перечень юридических фактов, служащих основанием введения военного положения достаточно сложно.

Главным здесь является поиск баланса, соразмерности между содержанием чрезвычайных мер, принимаемых государством и тем обстоятельствам в связи с которыми они приняты.

Библиография

Нормативные правовые акты:

1. Конституция Российской Федерации.
2. Федеральный конституционный закон №1-ФКЗ от 30 января 2002г. «О военном положении». Собрание законодательства Российской Федерации. 2002 г. N 5. ст. 375.
3. Указ Президента Российской Федерации от 5 февраля 2010 г. N 146 «О Военной доктрине Российской Федерации». Российская газета 10.02.2010г.
4. Резолюция ПАСЕ №1633 (2008) от 30.09.08. Последствия войны между Грузией и Россией.

Научная и специальная литература:

1. Власенко Н.А. Неопределенность как позитивное свойство права. Судебное правоприменение: проблемы теории и практики. Сборник статей. Российская академия правосудия.
2. Галенпольский Ф.С. Вопросы правового регулирования ограничения прав и свобод в условиях чрезвычайного положения (на примере ФРГ) // Московский журнал международного права. 1998. N4.
3. Конституции государств Европейского Союза/Под общей редакцией Л. А. Окунькова. — М.: Издательская группа ИНФРА-М — НОРМА, 1997.
4. Конституции государств Центральной и Восточной Европы/Отв. ред. Н.В. Варламова; Моск. обществ. науч. фонд. Центр конституц. исслед. — М.: МОНФ, 1997.
5. Конституции зарубежных государств: Учебное пособие/Сост. проф. В.В.Маклаков. — 4-е изд., перераб. и доп. — М.: Волтерс Клувер, 2003.
6. Лапаева В.В. Проблема ограничения прав и свобод человека и гражданина в конституции РФ // Журнал российского права, 2005. №7.
7. Лапаева В.В. Конституция РФ об основаниях и пределах ограничения прав и свобод человека и гражданина // Законодательство и экономика. 2005. №1.
8. Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве: теоретико-информационный аспект. Саратов, 1994.
9. Международное публичное право. Сборник документов. Т.2. М., 1996. С.3-5. Международное право в документах. Составитель Блатова Н.Т., Мелков Г.М. М. 2000.
10. Норшкова С.А. Дерогация по Европейской Конвенции и Россия.
11. Пчелинцев С.В. Проблемы ограничения прав и свобод граждан в условиях особых правовых режимов. М. 2006.
12. Советский энциклопедический словарь. М., 1985. Словарь иностранных слов. М., 1984.
13. Упреждающие удары — часть стратегической доктрины США. The Washington Post, США. 11.12.2002г.
14. Черняк А. Вторая ливанская война – глазами военного историка // Военный вестник Израиля. 2007. №3.
15. Эбзеев Б.С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации. М., 2005.
16. Юридический энциклопедический словарь/Под ред. А.М. Прохорова М., 1983, 1991.
17. Ягофарова И.Д. Основные характеристики ограничения прав и свобод человека: теоретико-правовой аспект // Академический юридический журнал. 2002. №4.

References (transliteration)

1. Vlasenko N.A. Neopredelennost' kak pozitivnoe svoystvo prava. Sudebnoe pravoprimerenie: problemy teorii i praktiki. Sbornik statey. Rossiyskaya akademiya pravosudiya.
2. Galenpol'skiy F.S. Voprosy pravovogo regulirovaniya ogranicheniya prav i svobod v usloviyakh chrezvychaynogo polozheniya (na primere FRG) // Moskovskiy zhurnal mezhdunarodnogo prava. 1998. N4.

3. Konstitutsii gosudarstv Evropeyskogo Soyuza/Pod obshchey redaktsiyey L. A. Okun'kova. — M.: Izdatel'skaya gruppa INFRA-M — NORMA, 1997.
4. Konstitutsii gosudarstv Tsentral'noy i Vostochnoy Evropy/Otv. red. N.V. Varlamova; Mosk. obshchestv. nauch. fond. Tsentr konstituts. issled. — M.: MONF, 1997.
5. Konstitutsii zarubezhnykh gosudarstv: Uchebnoe posobie/Sost. prof. V.V.Maklakov. — 4-e izd., pererab. i dop. — M.: Volters Kluver, 2003.
6. Lapaeva V.V. Problema ogranicheniya prav i svobod cheloveka i grazhdanina v konstitutsii RF // Zhurnal rossiyskogo prava, 2005. №7.
7. Lapaeva V.V. Konstitutsiya RF ob osnovaniyakh i predelakh ogranicheniya prav i svobod cheloveka i grazhdanina // Zakonodatel'stvo i ekonomika. 2005. №1.
8. Mal'ko A.V. Stimuly i ogranicheniya v prave: teoretiko-informatsionnyy aspekt. Saratov, 1994.
9. Mezhdunarodnoe publichnoe pravo. Sbornik dokumentov. T.2. M., 1996. S.3-5. Mezhdunarodnoe pravo v dokumentakh. Sostavitel' Blatova N.T., Melkov G.M. M. 2000.
10. Norshkova S.A. Derogatsiya po Evropeyskoy Konventsii i Rossiya.
11. Pchelintsev S.V. Problemy ogranicheniya prav i svobod grazhdan v usloviyakh osobykh pravovykh rezhimov. M. 2006.
12. Sovetskiy entsiklopedicheskiy slovar'. M., 1985. Slovar' inostrannykh slov. M., 1984.
13. Uprezhdayushchie udary — chast' strategicheskoy doktriny SShA. The Washington Post, SShA. 11.12.2002g.
14. Chernyak A. Vtoraya livanskaya vojna – glazami voennogo istorika // Voenny vestnik Izrailya. 2007. №3.
15. Ebzeev B.S. Chelovek, narod, gosudarstvo v konstitutsionnom stroe Rossiyskoy Federatsii. M., 2005.
16. Yuridicheskiy entsiklopedicheskiy slovar'/Pod red. A.M. Prokhorova M., 1983, 1991.
17. Yagofarova I.D. Osnovnye kharakteristiki ogranicheniya prav i svobod cheloveka: teoretiko-pravovoy aspekt // Akademicheskii yuridicheskiy zhurnal. 2002. №4.